СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ.

А. И. ЛЕВИТОВА.

1. СОСѢДИ.
2. РАСПРАВА.
3. ДВОРЯНКА.

ИЗДАНІЕ 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873

Прав 49

Дозволено цензурою. СПБ., Апрѣля 17-го дня 1873 г.
Типо-Литографія В. И. Хижевскаго (Эртелевъ пер. д. № 9).

22524

„Пров 49“

СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ.

А. И. ЛЕВИТОВА.

1. СОСѢДИ.
2. РАСПРАВА.
3. ДВОРЯНКА.

Цѣна 8 коп.

ИЗДАНІЕ 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873

СОСѢДИ.

Наступалъ вечеръ. Красное солнышко закатывалось за темные лѣса.

Убогая бобылья избенка стоитъ на самомъ краю села, надъ крутымъ бѣло-песчанымъ рѣчнымъ обрывомъ. Мягкій свѣтъ захочящаго солнца, падая на нее прежде всѣхъ другихъ избъ, нисколько не подкрашивалъ ни ея треснувшихъ, гляняныхъ стѣнъ, ни черной растрепанной крыши. Нѣтъ около той избы ни кола, ни двора. Пугливо моргая подслѣпымъ оконцемъ, она, какъ сирота безъ рода и племени, сидитъ на своей голой землѣ безъ малѣйшихъ признаковъ огорожи. Ея забулдыжный хозяинъ прочанваетъ теперь въ городскихъ харчевняхъ вольные заработки, оставивъ при домѣ забитую жену съ малыми ребятами и круглое изъ жерноваго камня точило на изъѣденномъ гнилью деревянномъ станкѣ. Вотъ и все богатство, какимъ только могла наградить жену и дѣтей голова удалая.

— Пожалуйста, братцы, билетикъ мнѣ закажите писарю изготовить, потому, какъ совсѣмъ и по городѣ встосковался, говорилъ на сходкѣ черный, сутулый Демьянъ, сердитыми глазами осматривая мужиковъ. А мужики, съ годъ ужь прошло, вытянули его изъ города за великое пьянство, чтобы вытрезвить мужицкой тяжелой работой.

— Послушай-ка ты, Аника ты воинъ храбрый, толковала Демьяну сходка—кто за тебя подушное платить станетъ? Вѣдь мы тебя не одинъ годъ знаемъ: вѣдь всю ты свою добычу прожрешь на этомъ проклятомъ винищѣ.

— А это, говоритъ Демьянъ,—какъ Господу-Богу угодно будетъ, такъ и станется. Только ваша воля, братцы, надо мною; а ежели вы держать меня еще станете на селѣ, я—сейчасъ умереть мнѣ!—въ великой тоскѣ моей безпремѣнно на себя руки наложу.

Мужики послѣ такихъ Демьяновыхъ словъ, сейчасъ же дали ему билетъ; а Демьянъ, получивши билетъ, тутъ-же въ слѣдъ за буйными вѣтрами отправился. Когда въ путь-дорогу собирался, женѣ вотъ что наказывалъ:

— Смотри, говоритъ, Авдотья! Береги точило, какъ бы кто не укралъ. Ишь, смѣется,

добрища я тебѣ какую махину оставляю; разживайся, знай, про свое про доброе здоровье.

— Варваръ ты этакой! сказала ему Авдотья. — Христіянской душѣ съ тобой—съ Иродомъ—и словъ-то тратить не приходится понапрасну. Чортъ тебѣ въ попутчики, бѣсу непосѣдному!

Засмѣялся Демьянъ, разговоръ такой слушаючи.

— Ну, покончимъ, такъ и быть! Колотить тебя за это не стану. Свидимся-ли мы съ тобой, али нѣтъ—знаетъ про то Создатель одинъ. Прощай пока!

Ребятенки крикъ подняли, когда отецъ уходилъ, и тоже за нимъ въ слѣдъ побѣжали.

— Татька, орутъ,—возьми насъ съ собой въ городъ-то. Тамъ, говорятъ, гостинцевъ намъ купишь!

— А гостинцы, сказалъ отецъ, и въ селѣ есть. Вотъ я сейчасъ, какъ слѣдуетъ, сластями-то награжу васъ.—И съ этимъ словомъ отломилъ вѣтку отъ молодой березы и въ послѣдній разъ здорово дѣтишекъ своихъ вѣткой той отстегалъ, чтобъ они не кричали.

Ушелъ Демьянъ, а избушка его въ селѣ осталась,—горемычная такая избушка, убогая,

словно-бы день и ночь крушила ее дума о хозяйской душѣ разудалой.

— Ахъ! каждую минуту, какъ будто, стонала избенка:—гдѣ-то теперь мой хозяинъ погуливаетъ? Безъ его-то призору я и развалюсь пожалуй. Долго-ли съ меня—съ одинокой—бурѣ осенней голову снять и гнилушки мои сбросить подъ гору въ быструю рѣку?

Такая-то слезливая была эта избенка!

III.

Страннѣе всего то, что по вечерамъ, и зимой и лѣтомъ, около этой горькой избенки преимущественно скапливалось людское веселье. Разговоры и пѣсни близь нея очень часто продолжались до тѣхъ самыхъ поръ, пока ночное темное небо не загоралось нѣжно-алыми полосками утреннихъ зорь. А сборищамъ этимъ положило начало точило на изгнившемъ станкѣ. Только что, бывало, закатится солнце, какъ со всѣхъ концевъ и середокъ народъ и валитъ къ Авдотьиной избѣ поточить свободнымъ часомъ иззубренный топоръ, или приточить отломленный кончикъ къ хлѣбному ножику и навесть на него ясное

жало. За послѣднимъ дѣломъ всегда больше бабы прихаживали. Визжитъ, бывало, желѣзо на твердомъ камнѣ, рѣка изъ подъ горы на все село вечернею прохладою дышетъ, а бабы дожидаясь своихъ очередей, разсядутся тѣсными кружками по взгорью, на которомъ стояла изба, и толкуютъ—и толкуютъ,—долго и не устанно говорятъ межъ собой, такъ что многія такъ и уходили ужинать, не успѣвши ножей отточить.

Охотно говорилось на этомъ мѣстѣ. Мужики также станутъ около станка: одинъ топоръ точитъ, а все разговоръ ведутъ. Тутъ къ нимъ подставали свободные мужики,—охотники постоять на міру, чужой рѣчи послушать, свое словцо одно-другое въ общую бесѣду ввернуть. Разъ вечеромъ какая-то живая душа затянула въ такомъ сборищѣ пѣсню, живой душѣ подтянули,—и стала сиротская изба съ этаго времени мѣстомъ сельскихъ игрищъ.

Всякаго народа, сказываю, много собиралось въ избѣ, и стараго и молодаго. А за взрослыми, извѣстно, и ребятишки маленькіе неотвязно бѣгаютъ. И комедіи такія веселыя продѣлываютъ на улицѣ эти малыши, что, смотря на нихъ, улица-то такъ и раскатывается со смѣха.

Дѣвочкѣ одной башмашникъ—отецъ принесъ изъ города башмаки,—остаточекъ изъ зеленаго сафьяна прилучилося подцапать, онъ и сдѣлалъ изъ этаго остатка башмачки своей баловницѣ. Бѣгала, бѣгала баловница по одинокой избѣ въ своей обновкѣ, а потомъ на улицу вышла.

— Вотъ люди-то теперь издивятся! думаетъ ребенокъ, не сводя глазъ съ своихъ зеленыхъ ножекъ.

И точно что долго дивились и звонко смѣялись люди, когда дѣвочка рубашонку свою совсѣмъ на голову вздернула, чтобы міръ какъ можно лучше ея обновку увидѣлъ.

Ахъ! толковалъ народъ,—вотъ у насъ на селѣ щеголиха какая завелась! Какъ есть барскіе башмаки.

А дѣтенышъ глупый, слушая эти похвалы, такъ-то важно глазки свои свѣтлые жмурилъ, такъ-то по взрослому головкой своей льняной кивалъ....

— Да таки ничего! толковалъ малышъ ребячьимъ кучкамъ, любовавшимся его зелеными башмаками.—Башмаки какъ есть зеленые; а тутъ—на передкахъ-то—вишь какіе разводы тятька повывелъ? Тятьку, сказываютъ, за его

мастерство скоро къ царю во дворецъ возьмутъ. Тамъ, толкуютъ, онъ уже одной только царицѣ будетъ башмаки-то шить.

Не вытерпѣла такой лжи босоногая Авдотьина дочь. Задрожало вдовье дитя отъ великой злости на чужое счастье. Такъ-то скоро расправило оно свои черныя, кудлатыя волосы, перебросило ихъ на затылокъ и всѣмъ личикомъ, прогнѣвленнымъ своею тяжелою, сиротскою долей, стало передъ счастливой лгуньей и говоритъ:

— Что ты, бахвалка, разбахвалилась-то? Кто это тебѣ разсказывалъ, что отца твоего къ царю хотятъ взять? Сорока придорожная соврала, а ты—дура—ей и повѣрила.

— Нѣтъ, не сорока, а бабушка сказывала. А мать-то у тебя побирушка,—по міру она куски-то сбираетъ.

— Анъ не побирушка!

— Нѣтъ побирушка! И отецъ у тебя пьяница, бѣглый.

— Инъ не бѣглый! Онъ на работу пошолъ. Твоему отцу рази такъ сработать?

— А то не сработать? видишь: башмачки-то? Тутъ вонъ видишь какой разводъ хитрый? А вотъ краснымъ сафьяномъ кранешки-то ото-

рочены, рази ты не запримѣтила? Ахъ ты! И счастливая, показывая несчастной отцовскую работу, забыла про ссору и ядовито смѣялась. Мальчишки и дѣвочки, какіе тутъ случились, также смѣялись.

Заплакала чумазая сиротинка отъ этаго смѣха, и чѣмъ она горьче всхлипывала, чѣмъ въ груди у нея тѣснѣе и тяжелѣе дѣлалось, тѣмъ злѣе малыши надъ нею насмѣивались.

Думала, думала она такъ-то, роняла, роняла горючія слезы, да какъ вскочитъ вдругъ разозлившимся звѣренкомъ, да согнутыми пальцами съ твердыми ногтями въ волоса хвальбишкѣ и врѣзалась.

— Я тебя, зашибѣла, похвалюсь теперь!...

Тутъ-то свалились малыши въ драчливую, кучку. Кто за сироту, а кто за отцовскую дочь;—насилу жгучей крапивой старшіе ихъ разогнали.

— Что это вы, идолята? разговаривали матери.—За что сцѣпились? Рубахи-то на себѣ переполосовали. Не наготовишься никакъ рубахъ-то на нихъ!

— А щеголихина мать сейчасъ же накинулась на сиротку съ своимъ сердитымъ словомъ:

— За что это, чертонокъ ты эдакой злю-

щій, на мою дочку набросилась? Экіе у тебя, Авдотья, ребята растутъ азарные, никому отъ нихъ проходу нѣтъ.

— Рази я ихъ учу этому? плакала Авдотья.— Я имъ всячески.... Я ихъ тоже за вихры-то трясу не хуже добрыхъ людей.

— Мало трясешь, надо полагать. Я вотъ ее своимъ судомъ поучу сейчасъ.—Тутъ баба ухватила сиротку за черныя косы и такъ-то грозно начала ее трясть и приговаривать:

— Покаряйся, покаряйся народу, идоленокъ! Нѣтъ у тебя отца-то, некому за тебя заступиться, такъ ты смиренствомъ заслуживай!

Дѣвочка плакала и старалась вывернуться.

— Ну ты не очень сироту-то тряси! Все игрище заступилось за ребенка. Ихъ и такъ Богъ убилъ.

— Какъ же ее не трясть, спрашивала баба,—когда она, какъ волченокъ какой бѣшенный, бросается на всѣхъ?

— А то и бросается, что голодна!... отвѣчалъ міръ. Это надо понимать....

Отбили сироту. Пуще всѣхъ заступался за нее Акимъ Слабый. Низенькій такой мужикъ; рыжими волосами и такой же бородой вся голова и все лицо у него заросли такъ, что отъ

него словно бы сіянье какое всегда исходило. Веселый такой и ласковый былъ этотъ мужикъ, постоянно онъ и самъ смѣялся и другихъ смѣшилъ.

— Ахъ ты, бабонька, бабонька! говорилъ онъ щеголихиной матери, съ укоромъ поматывая своей огненной бородой. Экое ты дѣло съ своего великаго разума удумала на сироту руки накладывать! Да она еще пуще сироты-то,—не въ примѣръ несчастливѣе. Сирота-то знаетъ, по крайности, въ какой могилкѣ ея тятька лежитъ; а знаючи родительскую могилку, ежели ее когда и обидятъ, вотъ такіе же добрые, да разумные люди, какъ ты,—такъ она пойдетъ на ту могилку, припадетъ на нее и горе свое выплачетъ потихоньку. А эта, отгадай-ка ты: куда пойдешь жаловаться на твою обиду? На тебя же да твоей же совѣсти жаловаться будетъ... Вотъ куда!.... Такъ ты рукамъ своимъ воли-то и не очень давай!

Баба застыдилась такихъ словъ, потому что все игрище подтвердило ихъ.

— Нужно ихъ, сиротъ то—всѣмъ міромъ соблюдать; а то онѣ плакаться будутъ на міръ, если онъ ихъ не соблюдетъ.

Старуха одна тутъ тоже стояла, старая—

престарая съ длинной и толстой клюкой, такъ она вонъ какое заговорила:

— Вѣдомо плакаться будутъ.—Спроситъ ихъ Господь-то: а что, молъ, сиротки, соблюдалъ васъ міръ? Нѣтъ, скажутъ сиротки, не соблюдалъ. А царь-то небесный и возгремитъ тогда: а? прогнѣвится Онъ. Такъ вы такъ-то? Сиротъ не соблюдать?...

Говоря это, старуха сердито стучала въ землю клюкой, и лицомъ своимъ сморщеннымъ гнѣвно на міръ глядѣла, такъ что міръ не мало въ то время ужаснулся.

Визжитъ жерновое точило подъ топоромъ Акима Слабаго; а все этотъ визгъ не можетъ заглушить, его ласковаго, веселаго голоса.

— Смотри ты у меня, пичуга! говоритъ Акимъ Авдотьиной сироткѣ.—Ежели ты у меня станешь такъ-то съ подругами драться, сейчасъ я тебѣ этимъ самымъ топоромъ голову напрочь.... Да! Пойди-ка, пойди-ка сюда, ко мнѣ поближе: я тебѣ покажу, какъ я у тебя голову-то отмахну,—сразу такъ и перехвачу.

Говоря это, Акимъ взялъ, дѣвочку за руку и смотритъ на нее, жмурится такъ-то, словно бы очень прогнѣвался; а борода его рыжая такъ-то ласково свѣтится, такъ-то доброе лицо

у него въ это время смѣялось, что сиротка, глядючи на него изъ подлобья, утерла слезы, и сама засмѣялась. Засмѣялась и проговорила:

— Это ты все нарочно говоришь, что голову мнѣ отрубишь; я тебѣ не повѣрю.

Акимъ при этомъ и топоръ точить пересталъ. Насупился онъ такъ-то, нахохлился, ногами затопалъ и загудѣлъ толстымъ голосомъ:

— Какъ, закричалъ—сопливая ты эдакая? Мнѣ не повѣришь? Сейчасъ же я тебѣ голову напрочь. Тутъ даже зарычалъ Акимъ, какъ есть молодой медвѣдь, а дѣвочка и тутъ его не испугалась. Убѣжала она отъ него въ темныя сѣни, запряталась въ уголъ, и съ звонкимъ уже смѣхомъ кричала оттуда:

— Небойсь, не отрубишь. Всегда ты этимъ ребятъ стращаешь.

— Ой, дѣвка, отрублю! Пойду сейчасъ вытащу тебя на свѣтъ и отрублю. Ты теперь со мной потише будь: вострый топереча у меня топоръ, страсть какой вострый!

— Слабый! чуть слышно протянулъ ему на это ребенокъ изъ своего угла.

Громкимъ смѣхомъ все игрище встрѣтило эту выходку сиротки.

— Что, дядя Акимъ? Она тебѣ скорѣй голову-то срубила.

— А, разбойникъ-дѣвка! завопилъ Слабый.— Ты еще при всемъ народѣ меня позорить вздумала? Приходи-ка ко мнѣ завтра вечеромъ, я тебѣ за мою обиду лапотки такія изъ суконныхъ покромочекъ къ этому времени изготовлю....

Сказалъ это Акимъ, и всей своей огненной бородой засіялъ. Засіялъ, принялся опять топоръ свой дотачивать и говоритъ:

— Ахъ! И чудны эти ребятишки! Какъ они теперича ласку любятъ, не приведи Господи!....

— Это вѣрно! подтвердили мужики, стоявшіе близъ точила.

Другая рѣчь завелась.

— Надо бы, братцы, Дему, этого бѣглеца за пьянство его опять изъ города вытянуть. Пробрать бы его маленько на мірскомъ судѣ, чтобъ подать платилъ.

— Хотя бы по началу ребятишкамъ своимъ на прокормъ доставалъ, толковали другіе.— Обголодаютъ у него ребята-то, загинутъ совсѣмъ безъ призору. Бабѣ одной гдѣ ихъ, какъ слѣдуетъ оборудовать?

— Такъ, такъ! Одной негдѣ. Вотъ и надо

вызвать его изъ города, палокъ объ него по больше обломать слѣдуетъ, чтобъ онъ законъ понималъ.

— Точно; закону его поучить слѣдуетъ.

— Ахъ вы законники, законники! отозвался Акимъ. Отъ закону-то отъ вашего, отъ мужицкаго, Демьянъ, можетъ, и шатанье-то свое возлюбилъ!

— Какъ такъ? спрашиваютъ.

— Да такъ! Рази онъ у васъ же самихъ въ сборщикахъ, да въ засѣдателяхъ не бывалъ, въ плисовыхъ шаравара хъ да въ касандрицкой рубахѣ не хаживалъ?

— Ходилъ, Акимушка, ходилъ,—вступилась Авдотья.—Такія-то ли штаны и рубахи важивались у насъ,—любо.

— Слышите: старуха-то что говоритъ? спрашивалъ Акимъ. А вы засѣдателя-то, начальника-то своего, сгорѣлъ у него домъ, не уродился у него хлѣбъ, поворовали когда лошадей, подохла когда скотина, вы его на колѣняхъ по полдню морили на сходкахъ, молить его заставляли васъ, чтобы подать ему отсрочить. Въ волоса ему рази любой изъ васъ не вцѣплялся на сходкахъ-то этихъ, гдѣ вы его теперь закону-то своему учить сбираетесь? Гдѣ

вамъ его закону учить? Сколько тутъ насъ ни на есть, онъ одинъ во сто кратъ, можетъ быть, всѣхъ мудренѣе. Такъ ли я говорю?

— Пожалуй, что такъ! Только какъ теперича міръ.... Одно слово: сила.

— Извѣстно, сила! Только онъ Демьянъ-то, на силу эту давнымъ давно наплевалъ. Онъ говоритъ: «къ козѣ на пчельникъ силу-то эту»,— вонъ куда! Такъ-то, други мои! Ужь онъ теперь силы этой не боится: онъ видѣлъ, какъ сила-то эта больше хорошее, чѣмъ худое ломаетъ.

— Черти вы! заголосилъ Акимъ уже не по прежнему, не поласковому, какъ съ сироткой говорилъ, когда голову ей отрубить обѣщался.— Вы зачѣмъ ему билетъ давали? Онъ пообѣщался на себя руки наложить, вы ему и дали. Значитъ: одинъ человѣкъ только силу вашу мірскую сломилъ.... Вотъ она какая ваша сила-то!...

— Чудачокъ этотъ Акимъ Слабый, Богъ съ нимъ! шептали мужики и смѣялись; а Акимъ хоть и не слыхалъ этихъ рѣчей, и смѣху этого не видалъ, только скоро послѣ этаго опять развеселился онъ; борода у него опять разкѣялась и засіяла, и тутъ же заговорилъ онъ совсѣмъ про другое.

— Тоже и я, братцы, въ лѣсъ теперича поѣду, дрова воровать. Вотъ и топоръ для этого наточилъ. Махать буду вотъ какъ, держись только! Говоритъ онъ эти слова, самъ на топоръ смотритъ, дуетъ на него: ходятъ ли, дескать, по немъ, отъ человѣческаго духа такія тѣни, какія по вострымъ топорамъ ходятъ—и смѣется:

— Отъ чего намъ дрова-то не воровать? Дрова-то, говоритъ, для всѣхъ про всѣхъ растутъ въ лѣсу.

Всѣ этому отъ чего-то смѣяться принялись.

— Чему смѣетесь? спросилъ Акимъ. Разви не правда?

— Правда-то, правда! сказала Авдотья.—А ты бы мнѣ лошадкой своей подѣлился, Акимъ Степанычъ! Я бы около васъ вѣточекъ набрала, да на ней бы и привезла возикъ другой. Мерзла, мерзла я съ ребятишками прошлую зиму,—страсть!

— Ишь, ребята, Авдотья-то куда заѣзжаетъ! Къ лошадкѣ заѣзжаетъ. Дай, говоритъ, ей, Акимъ Степанычъ лошадки. А знаешь ли ты, вдова Божья, сколько Акимъ-то Степанычъ заплатилъ за лошадку? Тебѣ этаго знать ни-

какъ невозможно. Невозможно вѣдь? спрашиваетъ Акимъ и смѣется.

— Гдѣ мнѣ знать? съ печалью отвѣчала вдова.

— То-то и есть! А ужь я лучше же самъ тебѣ возочекъ другой вѣточекъ-то сухонькихъ завезу, и они вотъ тоже привезутъ, указалъ Акимъ на мужиковъ.

— Извѣстно, завеземъ, когда мимо поѣдемъ, согласно отвѣтили мужики.—Что же ей, въ самомъ дѣлѣ, замерзать что ли?

Мѣсяцъ взошелъ. Яснымъ такимъ и большимъ кругомъ поплылъ онъ по синему небу; а жерновое точило все еще не унимается, все еще визжитъ на немъ сельское желѣзо рабочее, словно бы зоветъ этотъ визгъ народъ къ вдовьей избѣ, гнать изъ ней голодное нудное горе.

— Ужинали, что-ль, нынѣ? спрашиваетъ Авдотью одна бабочка съ красными, какъ огонь, щеками, придерживая что-то подъ передникомъ.

— Ѣли ребятишки-то, говоритъ Авдотья.— Хлѣбца таки закусили.

— А ты вотъ на-ка имъ творожку съ сметанкой дай? У свекрови изъ погреба творож-

ку-то я по малости сподобила. Люта у меня свекровь-то! Ты, говоритъ, у меня смотри: ни-ни! Изъ подъ моей руки не выходи, а нишихъ подальше отъ избы-то гоняй. Она,— свекровь-то, Господь съ ней—съ норовомъ такая у меня!

— Такъ, такъ! Знаю я ее, свекровь-то твою. Только ты за одно бы ужь, молодая, и хлѣбца бы кстати захватила;—весь хлѣбецъ то у меня, а у васъ онъ, знаю я, мягкій;—кваску бы тоже, желанная, влила мнѣ эконькій кушивчикъ крохотный. Сохнетъ безъ квасу душ. ка-то,—право слово!

— Сейчасъ я тебѣ принесу, торопливо говоритъ молодая, поспѣшно и таинственно пробѣгая по залитой мѣсячнымъ золотомъ сельской улицѣ.

—

Такихъ-то избъ горькихъ по нашимъ деревнямъ и селамъ столь много, сколько гнѣздъ воробьиныхъ по сараямъ и по гоородным ветламъ. И чаще нежели молодые, неоперенные воробьята валятся изъ гнѣзда на зеленую траву и умираютъ на ней, валились бы изъ тѣхъ избъ, въ темныя точилы сиротинки нес-

частныя, ежели бы сосѣдскія милосердыя руки сиротства ихъ убогаго не поддерживали.

Просты людскія души у насъ на степяхъ и милостивы; а самыя степи глухи! Заступили къ нимъ всѣ дороги крутыя горы, да темныя лѣса. Всю сторону нашу окружила стѣна какая-то изъ степнаго песку, что неудержныя бури степныя вскрутили до самаго синяго неба.

Глушь! Никто и ничто не пройдетъ, не проѣдетъ, не проползетъ и не пролетитъ въ нее, потому что, ежели иногда что и осилитъ буйный вѣтеръ и пройдетъ въ степь да песчаную стѣну, не разбившись объ ея искристые, каменные брызги, такъ-то по верхамъ крутыхъ горъ пропадаетъ, въ непроходныхъ лѣсахъ заблудившись, навсегда замираетъ....

Эхъ ты, вдовье точило жерновое! Оттачивай ты, точило, поскорѣе хозяйскіе топоры да заступы, чтобы порубить тѣми топорами дремучіе лѣса, сравнять тѣми заступами высокія горы, песокъ развѣять, чтобы шло къ намъ всякое добро по прямымъ и по гладкимъ дорогамъ....

РАСПРАВА.

I.

Солнце совсѣмъ уже сѣло. Изъ садовъ, изъ ближняго лѣса, съ рѣки и полей несло прохладой.

Вотъ и по туго-прибитой дорогѣ бойко застучали колеса порожнихъ телѣгъ, отправлявшихся въ ночное; имъ на встрѣчу скрипятъ тяжело нагруженные сжатымъ хлѣбомъ воза; пыльные столбы, постепенно приближаясь къ селу, даютъ знать, что пастухи гонятъ стадо. На живую руку сбитыя ворота съ громкимъ скрипомъ отворяются на встрѣчу стада, и вотъ многоразличными голосами его наполнялось село отъ верху до самаго, такъ-сказать, до низу. Щелканье пастушескихъ кнутовъ, звонкія завыванія бабъ, крики и побѣгушки дѣтей за упрямыми баранами, наконецъ оглушающій свистъ лихача помѣщичьяго кучера, мѣшаясь съ звономъ колокольчика и съ громкимъ топотомъ ухорской тройки, всполошив-

шей все стадо, дѣлаютъ изъ сельской улицы что-то такое, отъ чего какая нибудь древняя старуха, случайно выползшая изъ избы на Божій свѣтъ, невольно схватываетъ себя обѣими руками за голову и присѣдаетъ какъ бы отъ чьей тяжелой тукманки. Обопрется старуха о дверную притолку, и стоитъ не шелохнется; и довольно долго нужно времени, чтобы дождаться какъ старый человѣкъ, опомнившись наконецъ, всѣмъ своимъ кроткимъ и морщинистымъ лицомъ окинетъ уличный содомъ и, медленно перекрестившись, шопотомъ вымолвитъ:

— Знать ужь Господь свѣтопреставленіе наслалъ на насъ!

Слышнѣе всего раздается по селу громкій бабій басъ Ѳедотовой старухи. Высокая и осанистая стоитъ она у настежь распахнутыхъ воротъ коренастой избы съ зелеными ставнями, съ высокими скворешнями, съ крыльцомъ изъ точеныхъ балясинъ, и своимъ синимъ набивнымъ сарафаномъ, своимъ ситцевымъ головнымъ платкомъ, больше всѣхъ этихъ принадлежностей, украшающихъ ея избу, говоритъ проѣзжему люду, что изба эта построена первымъ сельскимъ богачемъ, міру на удивленье, себѣ и дѣтямъ на доброе здоровье.

— Экое житье какое у Ѳедотихи чудесное! По буднямъ ужь стала ситцевые платки носить, тихомолкомъ толкуютъ сосѣдскія бабенки.

— Почто же ей, милая ты моя, въ ситцевыхъ платкахъ не ходить? Сказываютъ: старикъ-отъ ея четверикомъ деньги-то мѣряетъ.

— Кы-ы-ыть! Кыть! Кыть! зазываетъ голосистая старуха своихъ овецъ, и, послушныя ея голосу, животныя отдѣлившись отъ сельскаго стада несутся въ ворота хозяйкина дома.

— Разъ, два, три, пересчитываетъ ихъ старуха —Охъ, чтобъ васъ совсѣмъ! Вишь какія рѣзвыя: и перечесть не успѣешь. Будетъ, бабы, тараторить-то вамъ! Ужинать идите! зыкнула она на своихъ семерыхъ снохъ, которыя толковали у колодца съ сосѣдскими бабами.

— Погоди-ка-сь маленечко, Ѳедотьевна, ворота-то запирать. Слухай-ка: я тѣ скажу что-то, голубка! издалека кричала Ѳедотихѣ маленькая бабочка въ сѣромъ изорваномъ зипунѣ.

— Что надоть? нехотя спросила старуха, готовясь затворить тяжелыя ворота.

— Охъ, кормилица ты моя! Кричала, кричала я тебѣ: погоди, молъ, ворота-то запирать, а ты и не слышишь желанная. Знамо Божья старушка не всякое слово разслышитъ. Пус-

ти-ка-сь ты меня на дворъ къ себѣ. Ярочка моя къ тебѣ съ твоимъ табуномъ забѣжала. Я у ней, кормилица, ушки выстригла: сразу узнаю. Пусти, пожалуйста, я взгляну только.

И бабочка хотѣла-было пронырнуть мимо Ѳедотихи на дворъ къ ней.

— Что насилкой-то лѣзешь? Ай на свой дворъ пришла? гнѣвно закричала на нее сварливая старуха.—Однѣ только наши овцы пришли, чужихъ ни одной нѣтъ. Сама видѣла какъ пускала.

— Гдѣ тебѣ увидать-то, Божьей старушкѣ? возражала бабенка.—Вѣдь онѣ рѣзвыя—овцы-то! И не увидишь какъ прошныритъ мимо тебя.

— Не слѣпѣй тебя! рычала старуха.—Проваливай, проваливай отъ двора-то, покель цѣла.

— Что же ты, кормилица, затягать ее хочешь, что ли, ярочку-то? спрашивала сѣрая бабенка, разгараясь въ свою очередь.

— Нужно мнѣ у тебя, у нищей, послѣднюю ярку затягивать? Поклонись приди, свою пожертвую на бѣдность. Вотъ что!

— Да ишь должно нужно, коли на дворъ не пускаешь.

— А непущу—и только. Вотъ тѣ и вся не долга!

Дальше да больше, слово да другое—и за-

кипѣла брань. А тамъ за каменья: насилу мужики розняли. Сѣрая бабочка была прогнана въ-три-шеи сыновьями Ѳедотихи.

— Изъ ума выжила, старая кочерга? покрикивалъ на свою старуху Ѳедотъ.—Не было за что людямъ осуждать, такъ она драться на улицѣ вздумала. Старость твою стыдить не хочу, а плетюганомъ взбодрить бы надо тебя.

— Ра-а-азбойники! шумѣла сѣрая бабочка съ другаго конца села.—Затянули ярку къ себѣ, да еще и хозяйку прибили.

— Что это въ самомъ дѣлѣ Ѳедотовы ребята расходились? толковали старики, сидя на завалинахъ —Словно это они, деньги имѣючи, суда на себя знать не хотятъ. У вдовой послѣднюю ярку боемъ отбили! Точно что слѣдствуетъ завтра за такой ихній разбой въ правленіе всю ихъ семью притянуть.

На селѣ попритихло. Спать завалились добрые люди. Поработали день-то деньской, умаялись—и отдохнуть надоть....

II.

Утро. На крыльцѣ волостнаго правленія кипитъ огромный ярко-вычищенный самоваръ. Дымныя клубы, вылетающіе изъ

него, разстилаются по всей улицѣ и далеко отогнали съ крыши воробьевъ, ласточекъ и другихъ мелкихъ пташекъ: разсѣялись онѣ по сосѣднимъ плетнямъ и деревьямъ и такъ-то громко чирикаютъ, словно бы ругаютъ ѣдкій дымъ, согнавшій ихъ съ привычной насѣсти, или бы хотятъ развеселитъ волостнаго писаря, который, расклеившись маленечко со вчерашняго похмѣлья, пьетъ чай на вольномъ воздухѣ, ежеминутно поджидая кого-нибудь изъ обывателей, съ кого бы можно было сдернуть по крайности на полуштофъ.

— Погляжу, погляжу я на тебя, Василій: мало, братецъ ты мой, политики въ тебѣ! говоритъ писарь своему сторожу, который завтракаетъ огромнымъ ломтемъ чернаго хлѣба, посыпаннымъ крупною солью.—Натура у тебя самая что̀ ни есть необузданная!

— Што такъ? спрашиваетъ Василій.

— Да такъ! Образованныхъ обычаевъ ничуть ты не знаешь. Не успѣлъ ты, музланъ, со сна бѣльмъ протереть, а краюху уписалъ какъ слѣдствуетъ. Инда мнѣ тошно смотрѣть на тебя.

— Эфто, Микита Иванычъ, отъ того вамъ тошно, что вы вчера очинно много вина эф-

таго краснаго пили. Кабы стали тоись по одной сивухѣ ходить, никакого бы, истинно, сумнительства не было.

— Пустяки ты это разсказываешь. Я таперича, кромѣ какъ краснаго, въ ротъ ничего не возьму, потому ты разсуди: что благороднѣе—красное, или простое?

— Точно что, Микита Иванычь, красное малость по благороднѣе, за то сивуха занятнѣе.

— По мордѣ бы тебя хватить—еще бы занятнѣе было, да вотъ вставать лѣнь.

— Ахъ, и чудаки же вы, Микита Иванычь, страсть какіе надсмѣшники! Только хоть бы што, а Ѳедотъ Ивановъ безпремѣнно къ вамъ въ правленіе валитъ на Козлиху жалиться. Старуху его вчера вечеромъ страсть какъ Козлиха-то избранила.

— А вотъ мы ихъ разсудимъ, сказалъ писарь. Здравствуй, дядя Ѳедотъ, отнесся онъ къ богачу.—Подсаживайся-ка вотъ къ самовару: погрѣемся.

— Это намъ къ рукѣ, согласился.—Только будь милостивъ, Микита Иванычь, пошли-ка-сь ты Василья-то за полосьмухой, потому какъ намъ дѣло до тебя есть, такъ угостить, поди, тоже потребуется.

— Да ужъ это какъ есть. Безотмѣнно потребуется. Были тутъ у меня вчера барышники изъ города, въ волю краснымъ упатчивали, такъ оно теперь и тово... выпить-то дружище, самое что ни есть любезное дѣло будетъ.

— Вотъ она сладость-то! шутилъ сторожъ, вынимая полуштофъ и предчувствуя здоровенную выпивку.

— А знаешь ли ты, грамотный человѣкъ, спрашивалъ у писаря Ѳедотъ, наливая ему водки,—кто самому этому вину главная причина и отецъ?

— Ничего мы эфтаго не знаемъ, отвѣчалъ писарь,—кромѣ какъ ежели вотъ дерябнешь съ похмѣлья стаканчика три, четыре, такъ оно словно повеселѣе на животѣ сдѣлается.

— А я тебѣ про эту причину разскажу. Шелъ чортъ по горѣ...

— Погоди съ разговорами-то: я вотъ еще приспособлю, перебилъ его писарь.—За одно разоряться-то.

— На доброе здоровье. А подъ горой мужикъ землю пашетъ.

— Но такъ ты, Ѳедотъ Иванычъ, описывать началъ, сторожъ.—Оба они, примѣромъ, подъ горою были....

— Сидѣлъ бы ты, музланище, да слушалъ: перенималъ бы какъ по умнѣй тебя люди разговаривать станутъ, наставительно замѣтилъ сторожу писарь.

— А я къ тому, Микита Иванычъ, разговоръ подгоняю.... оправдывался Василій.

— А ты вотъ выпей лучше, угощалъ его дядя Ѳедотъ.—А поправлять меня врядъ ли, надо полагать, придется тебѣ.

— Гдѣ намъ! Къ слову пришлось, благодарно согласился Василій, учтиво принимая стаканъ.

Приходившіе мужики, чувствуя въ воздухѣ полугарную струю лакомо облизывались. Ѳедотъ Ивановъ радушно приглашалъ всѣхъ, кто былъ побогаче и позначительнѣй. Выпивка съ каждой минутой принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры и скоро правленское крыльцо все, такъ сказать, зачерпнулось разными сельскими тузами. Сторожъ Василій бойкой иноходью раза два бѣгалъ въ кабакъ и уже не съ полуштофомъ, а съ пузатою четверною бутылью.

— Запили наши міроѣды, должно быть, на много рублевъ, съ завистью толковали не попавшіе въ пиръ мужики.

— Козлихѣ таперича, бѣдной, надо думать, дюже достанется, потому всѣхъ горлопятовъ-то Ѳедотъ Ивановъ на правленское крыльцо пить созвалъ,—соболезновали бабенки.

И дѣйствительно съ правленскаго крыльца повсему селу раздавалось пьяное гуденье, обрекавшее на погибель сѣрую бабочку, разбранившуюся вчера съ Ѳедотовой старухой. Голосъ угостителя покрывалъ собою голоса всѣхъ.

— Извѣстно, бабы люты на брань, толковалъ онъ собранію, обнося всѣхъ водкой.... Потачки своей старухи я не далъ, потому ярка Козлихина въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ на дворъ забѣжала. Только рази могла Козлиха сыновей моихъ ворами и разбойниками, а меня Жидомъ и Іудой ругать? Хорошо она это сдѣлала, или нѣтъ?

— Што хорошаго тутъ? согласно отвѣчали прихлебатели.

— Пріятности тутъ точно что малость: поддерживалъ писарь, заряжаясь подъ шумокъ стаканищемъ.

— Бездѣльница она выходитъ Козлиха-то, тотъ что! съ тихой, но просящей улыбкой ввернулъ свое словцо сторожъ Василій.

— Што же ты, братецъ ты мой, по оче-

реди ко мнѣ не подходишь? съ удивленіемъ спросилъ его дядя Ѳедотъ.

— Да такъ, Ѳедотъ Ивановичъ, не пристойно намъ, малымъ людямъ, вравнѣ съ богатыми кампанію держать, вѣжливо отвѣчалъ Василій, выпивая стаканъ.

— Поружу она чести моей великую нанесла, говорилъ дядя Ѳедотъ.—Опять же въ бѣдности такой находимшись, Козлиха богатому человѣку должна уваженіе всякое воздавать, а она вонъ куда затесалась: въ брань! Ежели бы она съ старухи моей за лютость ея не взыскала, я бы къ яркѣ-то ея баранчика своего еще бы придалъ; а она, про богачество мое позабымши, сама, сказываю, при бѣдности при своей, пустилась въ брань.

— Въ брань? раздавалось въ толпѣ.—Ахъ ты, Господи!

— Слѣдствуетъ ее теперича сюда привесть и наказаніе мірскимъ судомъ положить: за то я васъ и пою, закончилъ дядя Ѳедотъ.

— Какъ не наказать? согласно запѣлъ хоръ.—Бабенка она вдовая, убогая; уму разуму безпремѣнно научить ее надоть.

— Мы это живо скомандуемъ! Мы ее Козлиху безрогую, съ однаго маху сюда предо-

ставимъ, улыбался сторожъ, накидывая на плечи дырявый армячишка.

— Вбу-у-у! Трры-рр-ры! заревѣла пьяная толпа на предоставленную съ одного маху Козлиху.

— Ты какими дѣлами занялась? азартно спрашивалъ ее писарь.

— Почто ты людей почище себя обижаешь, кричали изъ толпы.

А Козлиха стоитъ такъ-то въ землю потупилась, красная вся. И конфузно-то ей и досадно, потому зло взяло, что за ея же добро, ее же и судятъ теперь на міру и ругаютъ.

— Православные! взмолиться она было со слезами попробовала.—Вы вѣдь всѣ хресты носите....

А сама передъ крыльцомъ на земъ упала, какъ бы въ ноги всему сходу кланялась.

— Вотъ, сейчасъ умереть, пречудная бабенка! съ насмѣшливой улыбкой толковалъ Козлихѣ арестовавшій ее сторожъ.—Нечего въ ногахъ-то валятся, а лучше штрафъ приготовь поскорѣй, потому безъ штрафу тебѣ быть невозможно. Рази не видишь, глупая, какая тутъ махина вина выпита? Должна ли ты послѣ того насъ угостить, или нѣтъ? Сказывай?

— Васильюшка! Кормилецъ ты мой! Гдѣ же я теперича возьму этотъ самый штрафъ?

— Ахъ ты, голова съ мозгомъ! возражалъ ей Василій.—Рази міръ-то безъ угощенія когда расходился? Ему, ужь коли онъ собрался, вотъ какъ надобно выпить: всласть!

— Веди-ка ты ее, Василій, безъ разговора въ чуланъ, скомандовалъ писарь.—Мы ее тамъ ублаготворимъ. Перестанетъ она съ богатыми людьми въ ругательство вступать.

— Отецъ родной! Микитъ Иванычъ! завопила Козлиха.—За какую же провинность въ сарай меня весть велишь?

— Разговаривай! крикнулъ писарь.

Сторожъ какъ бы колебался тащить бабенку.

— Я такъ полагаю Микитъ Иванычъ, какъ мое разсужденіе есть, можетъ она на счетъ штрафу осилитъ какъ-нибудь, вмѣшался онъ.

— Въ правду можетъ она какъ-нибудь на четвертушку собьется. Выпить бы тепереча, признаться, знатно бы, вступились мужики.

— Штрафъ штрафомъ, возразилъ заступникамъ дядя Ѳедотъ,—а блохъ изъ нея выпужать безпремѣнно слѣдуетъ, потому я васъ для самаго этаго дѣла и винамъ поилъ.

— Ну инъ въ самъ дѣлѣ, прихворостить ее.

Што же мы вправду задарма што-ли вино-то пили? единодушно согласились на крыльцѣ.

Василій потащилъ Козлиху въ пожарный сарай.... а между тѣмъ услужливая сходка съ шумомъ и гарканьемъ разпивала третью четверть благодарнаго дяди Ѳедота.

— Вотъ тѣ и вся недолга! радостно вскрикнулъ сторожъ, взбѣгая на крыльцо.—Пробралъ я ее какъ и быть надоть. До новыхъ вѣниковъ не забудетъ.

Козлиха съежилась въ своемъ изорванномъ зипунишкѣ, такъ что казалась гораздо меньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Милая ты моя, наставительно сказалъ ей толстый мужикъ, сходя съ крыльца,—поклонись теперь міру, да за штрафомъ какъ можно скорѣй сходи. Акромя того дѣлать тебѣ здѣсь нечего. Бѣжика-сь.

— За что же я буду платить штрафъ? И гдѣ я его возьму? зарыдала Козлиха.

— Міръ тебя на умъ наставилъ, а ты его попоштовать не хочешь? Это я тебѣ сказываю, большой ты грѣхъ на себя принимаешь, Козлиха, говорилъ толстякъ, покачиваясь.—Ты то теперича возьми: чѣмъ ты Господу Богу угодить можешь? Постомъ и мо-

литвой! Это я тебѣ истинную правду сказываю. Ты ее и понимай.

— Кормилецъ ты мой! Да я бы радостью рада, только всего-то на все и денегъ-то у меня дома два пятака да трынка. Какъ же вы— эдакая-то ли васъ сила сидитъ на крыльцѣ!— пить на нихъ будете?

— Объ этомъ ты не сумнѣвайся. Объ силѣ у насъ другіе разговоры будутъ. А теперича какъ всѣмъ намъ выпить очень потребно, такъ мы у тебя и избу твою пропьемъ, и куръ пропьемъ, и ярку, потому спорить тебѣ одной со всѣмъ міромъ никакъ нельзя.

— Это точно! заревѣли на крыльцѣ.

— Какъ же возможно т бѣ противъ всего міра идти, глупая ты эдакая? суетливо спрашивалъ у Козлихи сторожъ Василій.—Думать-то объ этомъ—и то нашему брату не приходится.

— Буде, ребята, по пустому разговаривать съ ней, повелъ свою рѣчь дядя Ѳедотъ.—Много-ли она со всей худобой-то своей стоитъ! Грошъ ей цѣна и съ худобой-то! А вы вотъ какъ, я вамъ скажу, штрафъ стѣшите съ нея: только бы согласіе ваше вышло, а то упоштоваться во какъ можно! По-горло!

На лицахъ присутствующихъ изобразилось самое почтительное вниманіе.

— Знаете вы, православные, убогая баба Козлиха, вдовая, ни роду, ни племени нѣтъ у нея. Такъ я теперича за избу ея даю пять рублевъ, за дворъ и за животину, какая у ней есть, тоже пять рублевъ. Пусть на міру знаютъ што не притѣснитель я какой, не грабитель, а, примѣромъ, на убожество ея взираючи, призрѣть хочу. За ее самое, ежели то-ись присудить вамъ захочется эдакъ, даю десять рублевъ за посмертную кабалу.

— Счастье къ тебѣ невидимо подвалило, завидовалъ Козлихѣ сторожъ.—Перекрести рожу-то: въ богатомъ домѣ жить будешь.

— Это что же такое, Ѳедотъ Иванычъ, загудѣли мужики.—Отчего не присудить? Присудить такъ можно, потому она баба вострая: работать будетъ исправно.

— Ну такъ, значитъ, бѣжи за ведромъ, Василій, обратился Ѳедотъ къ сторожу.

— Это мы съ однаго маху.

— Отцы родные! закричала Козлиха. — Вѣдь старуха-то Ѳедота Иванова поѣдомъ меня живую съѣстъ, коли вы такъ-то присудите.

— Счастья своего не понимаешь! Сказалъ ей толстый мужикъ.

— Истинно, Господь-то великъ и многомилостивъ къ сирымъ, закончилъ рыжій дьячекъ, тоже затесавшійся въ мірскую ватагу.

III.

Опять вечеръ, только ужь поздній вечеръ. И стадо давно пригнали и въ ночное уѣхали.

— Вотъ чудѣсно мы Козлиху просватали, говорилъ сосѣду сосѣдъ.

— Просватать-то мы, сусѣдъ, точно ее что просватали, только же и міръ поступилъ тутотка не ладно. За что изобидѣли мы Козлиху? Рази она виновата тѣмъ, что бѣдна? А Ѳедотъ, знамо, съ насъ же, съ міру, нахапалъ.... Вотъ онъ и сухъ оттого вышелъ... Нѣтъ, не ладно это дѣло, не ладно, братецъ! Что и говорить... Вѣдь мы ее, Козлиху-то, за ея же добро съ корнемъ вонъ вырвали.

— А рази она первая? спрашивалъ толстякъ.—Рази теперича міръ безъ угощенья можетъ прожить? Опять же она не бранись! Знаетъ, что богатый мужикъ, а на задоръ

лѣзла. Рази онъ ее одну за свою обиду искоренилъ? Вѣдь видѣла она, что міръ съ нимъ спорить не можетъ.

— Знаемъ мы эти пословицы-то: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся, все же таки мы правду въ кабакѣ пропили...

— О Господи! Господи! боязливо прошепталъ толстый мужикъ, перекрестившись. Всѣ-то дѣла вино сочиняетъ.

— Васька! громко раздается изъ глубины правленія голосъ пьянаго писаря.

— Чего изволите, Микита Иванычъ! отзывается сторожъ.

— Поди къ Кулаковымъ: квасу мнѣ у нихъ со льдомъ возьми.—Скажи, молъ, писарь велѣлъ.

— Ходилъ я къ нимъ отъ васъ онамедни: черезъ великую силу выпросить могъ. Говорятъ: часто вы къ нимъ посылаете.

— А ты, имъ скажи: въ бараній рогъ, молт, васъ писарь согнетъ за такую обиду. Рази, молъ, не видѣли какъ нынѣ дядя Ѳедотъ съ Козлихой расправился. Искорепю, ежели не дадутъ. Такъ и скажи.

Изъ угловой закутки Ѳедотова двора по всей улицѣ разносится громкое вытье закабаленной Козлихи.

— Поори, поори у меня еще, прынцесса. Я тѣ тогда не такъ еще уши-то оболтаю, оретъ на томъ же дворѣ басистая Ѳедотова старуха.—Теперь нашихъ рукъ не минешь. Сто на ассигнаціи мужу-то стоила ты.

— Извѣстно не мину твоихъ рукъ, плачетъ Козлиха.—Отъ нихъ теперича и въ гробъ должна лечь.

Только и слышно было во всемъ селѣ человѣческихъ голосовъ. А ночь-то была такая тихая, теплая, да мѣсячная. Этакъ-то хорошо было на землѣ въ эту пору.... И отчего бы, кажись, людямъ не жить миркомъ да ладкомъ, никого не изобижая... А то что хорошаго! Тамъ, послышишь, Козлиха плачетъ, а Ѳедотова старуха колотитъ да ругаетъ ее всяко. Въ иномъ мѣстѣ послышишь, опять кто ни на есть плачетъ, въ горегорькомъ горѣ мается, кто ни на есть дерется, бьетъ, убиваетъ до смерти.... Э-эхъ, какъ бы ладно было, коли бы всѣ люди теперича жили не какъ кошка съ собакой, а полюдски, не ссоримшись, не изобижая другъ дружку.... Славное бы тогда житье было.... Худо, охъ худо будетъ тому, кто изобижаетъ теперича людей бѣдныхъ да безващитныхъ. Тяжко придется поплатиться имъ

за всѣ свои беззаконія. Потому долго-ли, коротко-ли придутъ такіе люди, что̀ спросятъ отвѣта у обидчиковъ. И отольются тогда волку овечьи слезки. Страшно, жутко будетъ тогда всѣмъ злымъ. Для того это будетъ, чтобы и другимъ неповадно было изобижать своихъ ближнихъ....

ДВОРЯНКА.

Ахъ, какія у этихъ столицъ и вообще у большихъ губернскихъ городовъ длинныя и цѣпкія руки! Не устанно шарятъ онѣ по нашимъ глухимъ степнымъ захолустьямъ и все, что мы бережемъ про свои рѣдкія радости,—безжалостно хватаютъ эти руки и волокутъ къ себѣ на не долгую потѣху.

Я къ тому подвожу мою сиротскую рѣчь, что скоро некому будетъ по селамъ, особено по

пригороднымъ селамъ, ребятъ рожать. Всѣхъ дѣвокъ тащатъ отъ насъ большіе города къ себѣ на работу—и Господь съ ними съ бѣдными! Но только возвращаются онѣ, голубки, къ старикамъ своимъ—сиротинками такими, что ни отецъ, ни мать, ни даже какой нибудь родственникъ ближній не могутъ на нихъ безъ горькихъ слезъ глазъ вскинуть... и стыдно тебѣ ихъ и жаль.

Отпускали дѣвку въ городъ: ей десятый годокъ доходилъ только; а коса у ней ужь и въ это время была какъ въ пѣснѣ поется, до пояса;—глазки, что у Божіей птички, свѣтлые да ласковые,—на щекахъ яркій румянецъ игралъ, а душа, у ангела, добрая и привѣтливая.

Десять лѣтъ отецъ съ матерью денно и нощно болѣли объ дочкѣ. Наконецъ дождались старики радости, можетъ быть, первой на своемъ долгомъ вѣку: пріѣхала дочь изъ Москвы, въ нѣмецкомъ платьѣ, съ зонтикомъ, все равно какъ господская управительница, или бы попадья.

— Милая ты моя! Золотая моя! вопитъ надъ ней мать старуха, не умѣя прибрать другихъ словъ, потому что всю голову у ней отуманила неожиданная радость; а городская дочь тутъ-то

по черной избѣ своимъ длиннымъ платьемъ мететъ, тутъ-то мететъ, какъ бы въ досадѣ какой,—тутъ-то жидкія, но все еще черныя брови намарщиваютъ....

— Ступай, говоритъ, маменька, къ дьякону—самоваръ у него попроси. Я, толкуетъ, по своей политикѣ, безъ чая жить не могу,—тоже, ежели у тебя деньги есть, купи мнѣ папиросъ у Степки Щелкуна—крѣпкихъ спроси; а ежели у тебя нѣтъ денегъ, такъ въ долгъ у него возьми. Скажи: я послѣ съ нимъ разквитаюсь....

— Да—поди, у Степки и товару-то нѣтъ такого желанная!—сомнѣвается старуха.

Еще пуще заходила по избѣ дочь послѣ такихъ старухиныхъ словъ, гнѣвнѣе наморщила брови и съ великой досадой сказала:

— Принесли меня сюда черти на заботу да горе.

И пошла она съ того времени въ дымной избѣ родительской жить и мутить ея тишину сердитыми криками. Никто во всей семьѣ не могъ ни чѣмъ угодить пріѣзжей гостьѣ. Плачь невѣсткина ребенка, заботливость старшаго брата, чуть слышное ворчаніе отца и говорливая нѣжность матери,—все одинаково бѣсило ее,—все это накликало на себя ея столичную брань.

— Черрти! Хриплымъ шопотомъ постоянно шипитъ гостья на людей, которые отъ всей души старались угодить ея душѣ, городомъ избалованной.

Дольше живетъ гостья въ честной отцовской избѣ и срамитъ ея бѣдныя стѣны на весь міръ.

Забубенные ребята сельскіе, мѣщ. не-торгаши ночнымъ временемъ на эту избу толпами, словно на войну, стали ходить и никогда спать не давали.

Разбойничьимъ свистомъ и гамомъ наполняли они тихую, сельскую полночь, когда пьяной ватагой прихаживали отмѣщать городской мастерицѣ ея всякіе обманы и любовныя неправды, которыми она потѣшалась надъ своими сельскими полюбовниками.

Ухорскій скрипъ ихъ гармоникъ, звонъ и стукъ самодѣлковыхъ балалаекъ, трепакъ густо отбиваемый грузными сапогами, подколоченными желѣзнымъ гвоздьемъ, будили отъ сна семейскихъ—и въ то время, когда горемычная мать крестилась, слушая это нашествіе пьяныхъ бѣсовъ, и обливаясь горючими слезами, скорбя о позорѣ кровнаго своего дѣтища,—отецъ и братья въ это же время ведутъ громкую брань съ ухачами, обвоевавшими ихъ дворъ.

— Разговаривай, старый чертъ по субботамъ, гогочатъ лихіе въ отвѣтъ старику. Умѣетъ твоя дочь подарки брать отъ всѣхъ, пусть же она и любить всѣхъ умѣетъ.... Безпременно сейчасъ ее къ намъ высылай, не то по бревнамъ всю твою хату убогую разнесемъ.

— Господи! Хоть бы въ мать сыръ-землю мнѣ поскорѣе отъ этого сраму улечься, молиться мать при этихъ разговорахъ.

Долго такимъ образомъ идетъ дѣло и долго старикъ-отецъ, по своей великой любви къ дочери, молчаливо несетъ тяжкій крестъ, не обрушивая на безпутную своего тяжелаго родительскаго гнѣва и только тогда уже, когда людскія насмѣшки язвительныя, и ему, и его семейскимъ не стали проходу давать, пришелъ онъ однажды вечеромъ въ избу и сказалъ:

— Слушай, дочь! Можетъ, ты тамъ въ городѣ, съ господами знамшись, сама барыней стала; только все же я тебѣ, по своей власти отцовской, наказать безпремѣнно долженъ.

— А я такъ, тятинька, разсуждаю, говоритъ мужицкая барышня, что всякъ самъ за свои грѣхи отвѣтитъ. А если вамъ въ тягость, что я живу у васъ въ домѣ, такъ я завтра же опять въ городъ на мѣсто отправлюсь.

— На какое бы такое мѣсто? спрашиваетъ отецъ. Избави Господи всякаго лихаго татарина отъ такихъ мѣстовъ, по какимъ-то, по сказкамъ людскимъ, живала.

— Какія бы они ни были, все же лучше, чѣмъ въ вашей лачугѣ жить, да непріятности отъ васъ всякія безвинно переносить. По крайности въ городѣ я всю политику произошедши, за чиновника могу замужъ современемъ выдти.

— Ну это дай тебѣ Богъ за чиновника-то замужъ выдти, только все же ты теперича сократись....

— Я еще такихъ вашихъ словъ и понимать не могу. Нечего мнѣ сокращаться, потому какъ по благородству моему всякій меня знаетъ и всякій меня любитъ....

Хмыкнулъ только старикъ, слушая такія рѣчи, а хмыкнувши, долго и сердито молчалъ, потому что трудно ему было сговорить съ дочерью въ нѣмецкомъ платьѣ. Съ нимъ вмѣстѣ вся семья боязливо молчала, видючи, что большакъ пребываетъ въ тяжеломъ раздумьи.

Въ тишинѣ этой дочь и забыла даже, что съ отцомъ разговоръ ведетъ и тутъ же задумалась о своихъ городскихъ дѣлахъ и о томъ,

какой она отпоръ, по своему великому уму, старику дала.

— Теперь, небойсь, перестанешь разговорыто разговаривать! думаетъ она, усмѣхаясь въ душѣ, какъ она подъѣзала отца. Надоѣло старому на печи лежать, вотъ онъ и пристаетъ: сократись, говоритъ; а въ чемъ сократиться и самъ не знаетъ.

Только въ это самое время подошолъ къ ней старикъ и изо всей силы ударилъ ее по лицу тяжелой ладонью.

— Хошь, говоритъ ты и городская, а все же я твой родитель и ты меня должна почитать.

Тутъ въ избѣ сдѣлалось такое дѣло, глядючи на какое, всѣ домашніе тряслись и отъ страха слова сказать не могли. Дочь сама изругала отца непотребнымъ словомъ.

Всю косу тогда вырвалъ распаленный отецъ у дочери за такой неслыханный въ деревняхъ и селахъ грѣхъ и кромѣ того избилъ. Не долго прожила она въ деревнѣ. Снесли красоту, городомъ загубленную на сельское кладбище.

Старуха мать такъ послѣ разсказывала про послѣдніе смертныя минуты своей милой дитятки:

— Ни разу не дождалась я отъ ней ласко-

ваго слова. Пуще всѣхъ кричала на меня; а когда совсѣмъ умирать собиралась, къ повару меня барскому послала, чтобъ онъ ей ѣду какую ни-наесть по трактирному изготовилъ. Изготовилъ онъ ей цыпленка: принесла я его, поставила передъ ней и говорю: ѣшь, говорю,— поваръ сказывалъ, что и въ трактирѣ не во всякомъ такъ сдѣлаютъ. Только взяла она его, отвѣдала немного, да какъ заплачетъ.

— Вотъ, говоритъ, Господи, и умереть-то мнѣ въ городѣ не привелось! Должна я теперича, отъ такихъ утѣхъ, жисть мою въ селѣ съ мужиками покончить.

— А чего она такъ объ городѣ тосковала? заканчивала старуха, Богъ ее знаетъ! Вѣдь онъ ее, городъ-то треклятый, пуще щенки высушилъ, надъ красой ея дѣвичьей зло наругался и разума совсѣмъ лишилъ. Нàка! *Самаго* какъ выругала—вымолвить страшно!....